

ся понятие абсолютной референции. Но его-то как раз и хотел устранить Куайн в пользу релятивизованной референции.

Хорошо известно, что Куайн апеллирует к неопределенности не только значения, но и указания. Выражение некоторого языка переводится как «кролик», «неотъемлемая часть кролика», «временной сегмент кролика». Переведенные выражения отличаются не только по значению, они истинны по отношению к разным вещам. Нельзя перевести туземное выражение *gavagai* только при помощи наглядного указания и добиваясь от туземца «да» или «нет» в ответ на выражение *gavagai*. Трудность заключается в том, что, как бы мы ни указывали на «кролика», мы одновременно указываем и на «временной сегмент кролика», и на «неотъемлемую часть кролика»; когда же мы указываем на его различные части, мы одновременно указываем и на целого кролика.

В реальной ситуации лингвист будет переводить «гавагаи» как «кролик», исходя из стремления указать на целое и устойчивое. В этом случае, по мнению Куайна, лингвист просто навязывает свою концептуальную схему тому, что объективно неопределенно.

Если принять тезис онтологической относительности, то как с позиции Куайна следует понимать взаимоотношения слов и реального мира? Согласно натуралистской интерпретации природы языка мы произносим слова и связываем их друг с другом в ответ на определённые эмпирические воздействия. При этом куайновское употребление понятий значения и указания предполагает, что мы имеем дело только с отношениями между словами и не выясняем их отношения к миру.

Особенности нашей концептуальной схемы, следуя которой мы выбираем в переводе «кролика», а не его части, во многом объясняется тем, что мы мыслим и говорим об объектах. При этом следует заметить, что, по мнению Куайна, все утверждения о кроликах обладают равноценным онтологическим статусом.

Согласно Куайну, имеется только одно основание для предпочтения перевода «гавагаи» как «кролика», а не как временного сегмента или неотъемлемой части кролика – индивидуализированная форма нашей концептуальной схемы.

УДК 316.42

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЛНОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ*

К.В. Кабачевская
Симферополь, Украина

Первоначально понятие волны ассоциировалось с колебанием водной поверхности. Современное понимание феномена волны широко и многозначно.

В современном естествознании широко представлены определения этого понятия. Физическая энциклопедия под редакцией А.М. Прохорова определяет волну как «изменение некоторой совокупности физических величин (полей), способных перемещаться (распространяться), удаляясь от места их возникновения, или колебаться внутри ограниченных областей пространства».

Несмотря на развитый волновой анализ и достижения физиков, математиков, биологов и др. перенос опыта естественнонаучного исследования волн на

социальную область вызывает ряд трудностей. Как правило, в социальной реальности мы имеем дело с явно выраженными одиночными волнами, а не с гармоничными бесконечными колебаниями. В социальных процессах не известны случаи интерференции и дифракции волн, которые составляют содержание физических волновых процессов. В социальной реальности прямо не наблюдаются волны типичные для физики, например, обратные волны, сферические однородные волны, простые волны, волны Римана, ударные волны, стоячие волны, солитон, Волны де Бройля, механические волны и др. Поэтому есть необходимость более широкого подхода к определению волновых процессов. При этом нет необходимости что-то выдумывать и сочинять. Волны – это «изменения состояния среды (возмущения), распространяющиеся в этой среде и несущие с собой энергию [1, с. 314].

В целях конкретизации этого понятия в социуме считаем удобным за основу определения взять те явления действительности, которые обычно называют словом «волнения». Именно волнения широко представлены в социальной действительности.

В этом случае возможны условия применения математического анализа волновых процессов в социальных явлениях. Суть социального толкования сводится к тому, что философы и социологи с помощью статистических данных наблюдают за поведением некоторой измеряемой величины, например, числа смертей, эпидемии инфекционных болезней, рождаемости, роста цен, роста или падения заработной платы, количества потребления угля, нефти, продуктов питания и т.д. Задача социологов – определить повторяемость этих процессов в истории. И если эта измеряемая величина имеет на графике следующий

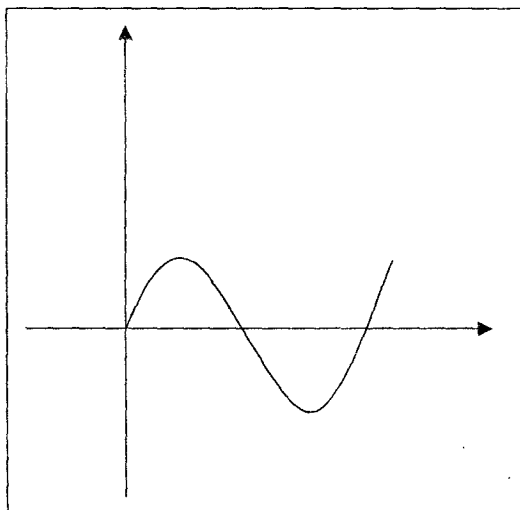

Рис. 1.

вид (см. рис. 1), то говорят о волнах.

Исследователи волнового развития общества частично применяют физические термины для объяснения процессов, происходящих в обществе. Например, Большой толковый социологический словарь также включает такие термины, как «дисперсионный анализ» или «меры дисперсии – различные способы вычисления степени, в которой совокупность индивидуальных величин, – наблюдений, чисел и т.д. – группируется вокруг центральной точки» и т.д. В.И. Пантин в работе «Ритмы общественного развития и переход к постмодерну» для определения волнообразного характера развития сложных соци-

альных систем использует физические термины: активная среда, автоволны и автоколебания. Ф. Бродель для объяснения движений, происходящих в обществе, также обращается к волнам в физике, характеризуя понятие вековой тенденции (тренд). Термин «тренд» используют и другие авторы, что значит в переводе с английского – направление, тенденция (отклоняться, склоняться в каком-либо направлении), также этот термин применим в статистике.

Таким образом, некоторые физические понятия и термины, равно как и математические, биологические, научно-технические и др., будучи корректно адаптированными в соответствующий смысловой контекст, могут использоваться и при анализе социальных процессов.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия в 30 томах под редакцией А.М. Прохорова. – М.: 1971.

УДК 11

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ «МУДРОСТЬ» И «СОФИЯ»

О.И. Панасенко
Симферополь, Украина

Часто слова естественного языка, будучи погружены в философский дискурс, как бы приобретают статус терминов, но при этом их семантика остается расплывчатой. В результате такой семантической неясности они начинают подменять собой уже имеющиеся в философии концепты с устоявшимся смыслом.

К таким заимствованиям из обыденного языка относится важное для философии слово «мудрость». В отечественной философии одной из основных проблем была и остается проблема софийности, где под «Софией» понималась «Премудрость Божия». Относительно софиологической терминологии нет единого мнения, есть лишь спектр разноречивых позиций. Одна из причин этого – появление наряду с «Софией» слова «мудрость», которое используется в качестве философского термина. Постараемся же развести основные термины, ассоциирующиеся со словом «мудрость»: «Софию» – позаимствованное нами понятие древнегреческого языка, и собственно «мудрость» – как исконно русское слово. Эти два слова «в корне» различны. Чтобы понять это, обратимся к их этимологии.

Слово «мудрость» впервые появилось в древнееврейском языке, а именно, в Ветхом завете, или Торе: «В переводе Библии слово «мудрость» передает значение нескольких слов древнееврейского языка, но чаще всего это – слово **hoch*mah**. Около 80 раз слово **hoch*mah** встречается в так называемых «книгах премудрости» (Иов, Притчи, Экклезиаст). В остальных библейских книгах, не относящихся к «книгам премудрости», слово **hoch*mah** редко применяется по отношению к Богу или к чисто «духовной» мудрости, а чаще характеризует различные умения или способности, в том числе и такие, которые имеют человеческое происхождение и не получены непосредственно от Бога. К этим способностям, или искусствам, относятся: сооружение скинии и ее внутреннего убранства, искусство мореплавания, искусство ведения войны, искусство управления (правление Соломона часто называется мудрым).

Мудрость (искусство) может быть злой и проклятой Богом. В «книгах премудрости» этим словом зачастую обозначается человеческое знание, которое приносит лишь огорчения.

В противоположность человеческой существует божественная мудрость, позволяющая вести праведную и добродетельную жизнь. Эта божественная муд-